РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Сборник статей

Российская империя в сравнительной перспективе

«Новое издательство»

2004

Сборник статей

Российская империя в сравнительной перспективе / Сборник статей — «Новое издательство», 2004

Насколько мы осознаем сегодня имперское измерение российской истории, его характерные особенности и черты, общие с другими империями? Сборник новых статей ведущих российских и зарубежных исследователей демонстрирует новые возможности сравнительного изучения истории Российской империи XVIII – начала XX века.

© Сборник статей, 2004
© Новое издательство, 2004

Содержание

От редактора 5
Александр Чубарьян 7
Александр Семенов 10
Сравнивая континентальные империи 19
Альфред Рибер 19
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Сборник статей Российская империя в сравнительной перспективе

От редактора

Включенные в эту книгу статьи подготовлены на основе докладов, которые были представлены на международной конференции «История империй: сравнительный подход в преподавании и исследованиях», прошедшей в Москве в июне 2003 года. Конференция стала кульминацией проекта «История Российской империи в общемировом контексте», начатого в 2001 году в рамках мегапроекта «Развитие образования в России» российского представительства Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в сотрудничестве с историческим факультетом Центрально-Европейско-го университета в Будапеште (ЦЕУ). Конференция проводилась при финансовой и организационной поддержке Института «Открытое общество», Института всеобщей истории РАН и Центрально-Европейского университета. Сегодня уже ясно, что проект был весьма своевременным, – он вызвал большой интерес в России и за рубежом; готовится к публикации еще ряд книг, созданных в рамках проекта коллективами российских и зарубежных авторов. Среди них – антология переведенных на русский язык новейших зарубежных исследований по истории Российской империи, серия книг по истории различных окраин Российской империи. Хочется надеяться, что эти издания помогут ввести проблематику империи, – а она, по нашему убеждению, является стержневым фактором истории России – в преподавание истории в наших вузах, ведь до сих пор в программах и образовательных стандартах по истории даже слово «империя» отсутствует.

Понять имперское измерение истории России можно только при использовании сравнительно-исторического подхода.

Именно этому и была посвящена московская конференция, в ходе которой специалисты из России и ведущих университетов и научных центров Европы, США, Турции и Японии представили более 30 докладов. В фокусе конференции было сравнение империй – Романовых, Габсбургов и Османской – в период до 1914 года. Ее главной задачей являлось исследование процессов формирования этих империй, механизмов их легитимации и функционирования, причин их устойчивости в контексте преподавания сравнительной истории. Однако целый ряд докладов был посвящен и другим империям – Британской, Германской, Испанской. Подробнее о конференции в целом и о дискуссиях, проходивших в течение трех дней ее работы, рассказано во включенной в эту книгу статье А. Семенова (ЦЕУ).

В настоящее издание вошли те работы, в центре внимания которых находится Российская империя. Некоторые работы построены как компаративистские – статьи А. Рибера (ЦЕУ), Д. Ливена (Лондонская школа экономики), отчасти А. Миллера (ЦЕУ, ИНИОН РАН). Другие работы исследуют тот или иной аспект истории лишь одной империи. Это объясняется тем, что несколько сессий конференции были запланированы как представления ряда case-studies отдельных империй по заранее согласованному кругу вопросов: генезис империй, элиты империй, экономические отношения центра и периферии в империях. Мы целиком включили в книгу материалы сессии по элитам Османской (А. Сомель, Университет Сабанчи, Турция), Габсбургской (Х.-П. Хёе, Австрийская академия наук) и Российской империй (А. Каменский, РГГУ), к которым примыкает статья по сравнению ментальности имперских военных элит (Е. Сергеев, Институт всеобщей истории РАН). Также в сборник целиком вошли материалы сессии по сравнению экономических структур Российской и Османской империй – статья Б. Ана-

нича (Санкт-Петербургский институт истории РАН) и Е. Правиловой (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге) и статья К. Чичека (Технический университет Карадениза, Турция). Взятые вместе, эти исследования дают читателю прекрасный материал для сравнения. Мы публикуем и статью А. Каппелера (Венский университет), чей доклад вызвал на соответствующей сессии конференции оживленную дискуссию о генезисе Российской империи.

Публикуемые здесь статьи А. Ремнева (Омский государственный университет) о Сибири в воображаемой географии империи и А. Миллера о пространственном измерении империи и нации в воображении русского национализма были представлены на сессии о воображаемой географии империй. Интереснейшая работа Дж. Бёрбэнк (Нью-Йоркский университет) о проблемах, связанных с попытками унификации местных судов в Российской империи, являлась частью сессии о неэлитных группах империй. Книгу заключают размышления А. Давидсона (Институт всеобщей истории РАН) о наследии империй и роли историков в постимперском пространстве.

Часть других статей, написанных на основе московских докладов, публикуется по-английски в издательстве CEU-Press. С первоначальными версиями публикуемых в этой книге статей, наряду с программой конференции и другими материалами, можно ознакомиться на интернет-сайте http://www.empires.ru, который тоже является частью комплексного проекта российского представительства Института «Открытое общество» по сравнительному изучению истории Российской империи.

Алексей Миллер

Александр Чубарьян
Тема империй в современной историографии

История империй уже долгое время привлекает внимание историков во многих странах мира. Оформившиеся несколько лет назад международные и национальные проекты позволили включиться в исследования «имперской» проблематики многим известным и молодым ученым. Были проведены конференции и круглые столы, появились индивидуальные и коллективные монографии.

Не осталась в стороне и российская историческая наука, причем исследования проводились не только в Москве и Петербурге, но и во многих регионах страны.

Чем же можно объяснить столь высокий интерес к теме империи? И каковы итоги уже проведенных исследований?

Изучение истории империй позволило ученым сконцентрировать внимание на принципиальных и весьма актуальных проблемах современной историографии, причем во многих отношениях именно на тех, которые отражают новейшие тенденции в развитии мировой исторической науки.

Прежде всего, отметим междисциплинарный характер исследований. Анализ особенностей создания, функционирования и распада империй привлек не только «чистых» историков, но и специалистов в области экономики, права, социологии, философии, политики.

«Имперская» проблематика находится в русле повышенного внимания к так называемой «глобальной истории»: об этом свидетельствуют последние международные конгрессы историков, во многих странах созданы группы по изучению глобальной истории, ей посвящают журналы и встречи специалистов. В контексте анализа методических и теоретических основ глобальной истории немаловажное место принадлежит истории империй, которые служат подтверждением тенденции к объединению и взаимозависимости, к некой универсализации исторического развития на протяжении многовековой истории человечества. Даже анализ распада империй также иллюстрировал «всеобщность» процесса, связь и взаимозависимость различных направлений и особенностей мирового развития.

Изучение истории империй развивается также в русле современной компаративистики. Сейчас уже признано, что увидеть все многообразие человеческой истории невозможно без применения сравнительно-исторического метода, без сопоставления различных регионов и стран. И в этом сопоставлении существенное место занимает понимание синхронности и асимметрии в историческом развитии.

На разных континентах империи создавались в различных исторических условиях. Примеры тому – классическая Римская империя, Британская империя, колониальные империи Франции, Испании и Германии; в иных условиях сформировались Российская, Османская и Австро-Венгерская империи.

Специалисты стремятся понять общую логику формирования империй, раскрыть ее зависимость от исторических условий. В поле зрения ученых оказались и вопросы «исторического времени»: какие-то империи сложились в течение нескольких лет, многим для этого потребовались десятилетия и даже столетия. В последнем случае действовали как факторы большей длительности и протяженности (longue duree), так и условия временные и весьма скоротечные.

В ходе многих дискуссий постоянно звучал вопрос о типологии империй, об их отличительных признаках. Опыт мировой истории показал, что одним из существенных признаков империй является их многонациональный характер. Некоторые специалисты, например, склонны говорить об американской, китайской или советской империях. В связи с этим возни-

кает вопрос: в чем же отличие многонациональных государственных образований от империй? Очевидно, что необходимо продолжение поиска дефиниций.

Общественное сознание весьма часто к признакам империй относит факторы господства и подчинения, насилия и подавления.

Довольно распространенный термин «имперское мышление», как правило, подразумевает стремление к гегемонии и превосходству, к подавлению других стран и народов.

Некоторые империи включали в себя территории, расположенные на разных континентах, в тысячах километрах от метрополий (Британия). Но было немало имперских образований, включавших территории, расположенные компактно (Австро-Венгрия, Россия). Эти различия усиливали споры об иных типологических признаках империй, нежели территориальные проблемы.

Современную историческую науку интересуют региональные вопросы, взаимоотношения центра и периферии. В ходе исследований выявилось, что эти вопросы – одни из ключевых в изучении империй. Мировая история дала нам большое число самых разнообразных форм взаимоотношения и взаимодействия центра и периферии, но историков интересовал, прежде всего, вопрос, как это взаимодействие или противостояние проявлялись в империях. Этот вопрос чрезвычайно актуален и в наше время, когда некоторые страны, и прежде всего, Россия, проходят стадию федерального строительства, в котором отношения центра и регионов занимают центральное место.

В более широком и методологическом плане стоит вопрос о взаимодействии центробежных и центростремительных тенденций в историческом развитии. С этой точки зрения история всех империй явилась классическим проявлением подобного взаимодействия на стадиях формирования, эволюции и распада.

История империй включает в себя и вопрос о национальных отношениях, ибо едва ли не главная проблема всякой империи – это проблема национальная, этническая, очень часто – конфессиональная. Мировой опыт дал нам многочисленные примеры противостояния, и даже столкновения, различных национальностей в рамках империй, но показал и возможность адаптации национальных образований, их взаимодействия и конструктивного сотрудничества.

Завершенность процесса, т. е. фактическое окончание имперской эпохи, позволяет проанализировать историческое развитие империй от начала до конца, на большом временном протяжении, что очень интересно для исследователей.

В этом контексте чрезвычайно важна тема краха империй, постимперского периода и имперского наследия. В комплекс проблем входят и сравнительно-исторический анализ распада империй в различных регионах, и взаимодействие внутренних и внешних факторов, определивших распад, его специфику и темпы.

Следует отметить, что относительно «советской империи» существуют разные точки зрения, и многие ученые не склонны видеть в Советском Союзе новый вариант имперского государственного образования. Во всяком случае, этот вопрос остается открытым для дискуссий.

Весьма интересен вопрос об «имперском менталитете», о том, как формировались среди политических элит и в массовом сознании имперские представления и стереотипы, о том, как долго они существуют, и каковы условия их преодоления. Здесь очень важно участие специалистов-психологов, которые анализируют вопросы массовой социальной и индивидуальной психологии. Конечно, для современной жизни весьма важны настроения политических элит и их способность преодолевать имперские стереотипы.

В контексте анализа форм государственного устройства на многих конференциях поднимался вопрос об авторитаризме, о тоталитарных формах правления, об империях «либерального типа» и т. п.

Пристальное внимание ученых России обращено на российскую историю, на особенности формирования и развития Российской империи, на ее место в мире и ее распад. В Москве и

Петербурге, во многих региональных университетах и научных центрах оформились исследовательские центры и группы, исследующие историю Российской империи в сравнительно-историческом плане, в плане ее сопоставления с историей Великобритании, Австрии, Турции и других стран.

Особая тема связана с историей ряда стран Азии и особенно Африки. Исследователей при этом занимает постимперский период, особенности африканского развития в условиях существования десятков независимых государств, то, как африканские элиты освобождались от колониальных предрассудков, и то, как часто европоцентризм сменялся афроцентризмом. Весьма интересен и вопрос сохранения или разрыва связей государств Азии и Африки с бывшими метрополиями.

Многие из перечисленных тем стали предметом обсуждения и на конференции, материалы которой представлены в этой книге. Участие ученых из многих стран мира, в том числе авторов широко известных научных трудов, большой группы российских специалистов из регионов подтвердило представительный характер конференции и ее междисциплинарную направленность.

Среди практических вопросов на конференции обсуждался и вопрос о более масштабном включении истории империй в университетские курсы по истории, о необходимости подготовки специальных учебных пособий по этой проблематике и об освещении истории империй в учебниках по истории для средней школы.

Размах исследований, внимание к ним в разных странах, в научных центрах и университетах России дает нам основания говорить о многообещающих перспективах этого направления в развитии отечественной и мировой историографии, об организации новых научных встреч и о продолжении международного сотрудничества.

Александр Семенов
Обзор работы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании»

Прошедшая 7–9 июня 2003 года в Москве конференция по сравнительному изучению империй, которая была организована российским представительством Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) совместно с историческим факультетом Центрально-Европейского университета, представляла собой необычное явление в академической жизни. Во-первых, это была серьезная и продуманная попытка обсуждения проблем исторической компаративистики в изучении истории империй. Подобная постановка проблемы (тема конференции напрямую не связана с российской историей, что является показательным) выгодно отличала эту конференцию от других мероприятий, которые по-прежнему следуют канону национальной истории с присущими ему эксклюзивностью исследовательского фокуса и игнорированием развития иных историографических традиций. В фокусе докладов и дискуссий данной конференции находились история Британской, Испанской, Германской (Kaiserrreich), Габсбургской, Российской и Османской империй.

Во-вторых, серьезно поставленная проблема компаративистики обусловила необходимость приглашения специалистов по разным империям, что, в свою очередь, придало конференции широкий международный характер и сделало возможным возникновение диалога между разными академическими традициями. Необходимо особо подчеркнуть, что проблема межакадемического диалога предстала в двух аспектах. Один аспект связан с диалогом между представителями разных национальных традиций, изучающими одну и ту же проблематику (например, присутствие американских, японских и немецких историков-русистов наряду с российскими исследователями истории России или российских специалистов по истории Габсбургской империи наряду с исследователями из Австрии, Венгрии, Германии и т. д.). Второй аспект проблемы связан с диалогом между представителями традиций изучения разных регионов/империй. Последний аспект кажется весьма важным для будущего изучения империй (imperial studies), так как именно возможность выработки общих и соотнесенных с эмпирикой аналитических категорий (middle range theories) является залогом развития синтетических областей социального и гуманитарного знания (примером чему может быть теория национализма).

В-третьих, наряду с амбициозным географическим охватом конференция была посвящена широкому спектру концептуальных проблем. На отдельных секциях обсуждались: теория компаративного исследования империй, генезис империй, идеология империй, имперская экономическая система, история границ, окраин и воображаемой географии имперского пространства, элиты и система управления империй, право империй и недоминантные группы имперского общества, а также наследие империй. Иными словами, организаторы конференции не ограничивали тематику истории империй отдельными аспектами, но, вполне следуя видению тотальной истории историками-анналистами, рассматривали империи в совокупности политических, социально-экономических и культурных отношений. Единственным исключением стала внешняя политика и международные отношения. Однако, данное исключение было скорее оправданным, нежели произвольным, так как именно внешний экспансионистский аспект истории империй является наиболее изученным. Программу данной конференции определяло внимание к внутренней жизни имперских организмов, а проблемы внешней политики обсуждались там, где существовала связь между внешней политикой и внутренним положением. С точки зрения хронологии организаторы конференции ограничились эпо-

хой Нового времени, заканчивая свой анализ распадом континентальных империй в результате Первой мировой войны. Можно по-разному оценивать мотивы такого решения. С одной стороны, постановку верхнего временного предела обусловили практические соображения – объем работы и сложность обсуждаемых проблем и так были чрезвычайно велики для достижения эффективного хода конференции. С другой стороны, отсечение XX века позволяло обойти проблемы деколонизации, вопрос о том, являлся ли Советский Союз империей, многотомную полемику в рамках постколониальной теории, которые, безусловно, важны для эпистемологии имперских исследований, но с основанием заслуживают отдельного обсуждения. Надо отметить, что в этом решении обнаруживается определенная связь с тем, что в центре внимания оказалась именно внутренняя жизнь имперских организмов. Возможно начиная с классического труда Э. Гиббона «Закат и падение Римской империи» («The Decline and Fall of the Roman Empire»), история империй писалась ретроспективно как история неуклонного шествия к распаду. На взгляд историков Нового и особенно Новейшего времени империя представлялась нелегитимным и, следовательно, нежизнеспособным социальным и политическим явлением. При этом исследователи часто игнорировали факт более длительного в истории человечества существования государства и общества в имперской фазе по сравнению с фазой национального государства. В этом смысле замена исследовательского вопроса «как они шли к упадку?» вопросом «как было возможно их существование?» представляется продуктивным, и с этой точки зрения хронологическое ограничение обсуждения периодом Нового времени приобретает дополнительный смысл.

Вступительный доклад А. Рибера был посвящен контекстуализации современного интереса к империи. По мнению Рибера, на сегодняшний день можно говорить о разрушении модели национального государства, обусловленном развитием процессов глобализации, созданием единой Европы, экспансией американской массовой культуры, проблемами в развитии созданных по европейской модели национальных государств в регионе третьего мира, а также мировыми миграционными процессами, радикально меняющими состав населения бывших метрополий западных колониальных империй. Отдельную актуальность изучению наследия империи придает распад СССР и развитие процессов нацие-строительства в постсоветском пространстве. В своем докладе А. Рибер утверждал, что изучение современных наций и национальных государств не может происходить в отрыве от изучения империй, так как большинство современных наций либо были империями, либо развивались в имперском контексте.

Первая секция конференции была посвящена методологии сравнительных исследований имперских феноменов. Несмотря на название секции, докладчики отталкивались не от теории, а от частных исторических случаев, пытаясь очертить общие рамки исторического сравнения. Д. Ливен представил краткую выжимку из своей книги «Empire: The Russian Empire and Its Rivals». Следуя своему подходу, Ливен вновь вернулся к проблеме международных отношений и геополитики. В геополитике он видит важный аспект истории империй, так как империи в его понимании есть, прежде всего, государства, имеющие вес на международной арене и ведущие активную внешнюю политику. В рамках этого подхода Ливен ввел геополитическую категорию европейской периферии, где имперская экспансия оказалось возможной в силу недостаточного действия противовесов международного баланса сил. С помощью данной категории Ливен объясняет рождение континентальных империй на границах Европы и заморскую экспансию европейских держав. Таким образом, концепт европейской периферии становится общим контекстом для проведения сравнительных имперских исследований. С другой стороны, сравнивая стратегические задачи управления Британской и Российской империями, Ливен приходит к выводу, что здесь между ними не существовало принципиальной разницы, так как обе они пытались справиться с проблемой территориальной протяженности и полиэтничности населения.

Испанской империи был посвящен единственный доклад на конференции – доклад Себастьяна Бальфура. Автор не проводил сравнительное исследование, однако его анализ зависимости формирования испанского национального государства от империи и проблемы относительной отсталости Испании по сравнению с развитыми странами Западной Европы позволил провести параллели с восточноевропейским опытом. Вывод Бальфура о том, что окончательная потеря Испанией своей империи в 1898 году привела к кризису государственности и росту сепаратистских движений внутри Испании, оказался продолжением мысли А. Рибера о глубокой связи процесса формирования национального государства с имперским опытом.

Доклад Филиппа Тера был посвящен парадигмам немецкой истории и явился попыткой творческого использования потенциала имперских исследований для анализа немецкой истории в контексте Центральной и Восточной Европы. Ф. Тер отметил парадоксальный континуитет между историографией до и после 1945 года, которая, несмотря на всю разницу в оценках немецкого исторического опыта, сохранила нациецентричную исследовательскую оптику. Вывод немецкой истории из контекста сравнения с Западными странами (Францией и Англией) и ее помещение в многонациональный и имперский контекст Центральной и Восточной Европы (с соответствующим учетом фактора национальных меньшинств в Германской империи и участия Германии в колониальных проектах) представляется, по мнению Тера, весьма продуктивным и позволит по-иному осмыслить особенности немецкого исторического развития в Новое время, в том числе и проблему нелиберального политического устройства.

Доклад Ильи Винковецкого был посвящен истории Российско-Американской кампании, которая, по его мнению, опровергает однозначное утверждение, что опыт Российской империи не походит к процессам образования западных колониальных и торговых империй.

В ходе дискуссии участники вернулись к тем общим вопросам компаративистики, которые, хотя и не были поставлены в докладах, но возникали при ознакомлении с докладами данной секции. А. Миллер подчеркнул, что, хотя выделение Российской, Габсбургской и Османской империй в отдельную группу для сравнительного анализа имеет смысл и давнюю традицию, необходимо выходить за эти традиционные рамки сравнений и полнее учитывать общий имперский фон. А. Рибер обратился к историографической классике сравнительной истории (М. Блоку) и отстаивал релевантность сравнительного исследования только в тех случаях, когда имело место соприкосновение или взаимное влияние сравниваемых обществ. В этом отношении анализ континентальных империй представляется А. Риберу более обоснованным, нежели сравнение опыта этих империй и колониального империализма. В том же духе высказался М. Ходарковский, указавший на то, что случай Аляски являлся скорее экзотическим, нежели типическим в общей модели построения Российской империи, так как доминантным фактором расширения империи в России являлись стратегические, а не коммерческие соображения.

Размышляя о контексте и форме исторического сравнения, Д. Ливен начал дискуссионную линию, которая была продолжена в ходе конференции. Ливен отметил, что сравнение империй как целостных феноменов невозможно, и аргументировал свою позицию, указав на характерное для всех империй разнообразие региональных и национальных укладов и неравномерность течения имперского «времени». По его мнению, необходимо сравнивать отдельные регионы или имперские случаи между собой. А. Миллер отметил важность того, что на этой секции был рассмотрен испанский случай, который не вписывается в классическую модель западных колониальных империй, но является весьма поучительным для исследователей Восточной Европы, которые сталкивались с проблемой относительной отсталости. В связи с этим А. Миллер предложил категорию «империи Второго мира», которые сохраняли суверенитет, но не принадлежали к числу развитых стран Запада.

Вторая секция конференции была посвящена генезису и механизмам формирования империй. Сделанные М. Мейером, А. Каппелером и Г. Вальтер-Клингенштайн доклады были построены по принципу сравнительно-ориентированного анализа отдельных случаев соответственно Османской, Российской и Габсбургской империй. При этом А. Каппелер попытался дать в своем докладе, помимо политического нарратива, обобщение действовавших в донациональном государстве механизмов общественной и политической интеграции. По мнению Каппелера, в зависимости от времени, уровня политического и общественного развития включаемого региона, степени обоснованности претензий Москвы и Петербурга на данную территорию, оказываемого сопротивления и международной ситуации механизмы форсирования Российской империи варьировались от введения косвенного правления и частичной интеграции элит до полной интеграции в политическую структуру империи. Таким образом, Российская империя складывалась как «составное государство», и в этом смысле ее можно сравнивать с другими континентальными империями, которые также отличались существенным разнообразием внутреннего устройства и наличием механизма непрямого управления. В этом пункте Каппелеру возражал Р. Уортман, который ратовал за выявление различий в идеологических основаниях и практиках континентальных империй. Уортман обратил внимание на то, что он назвал «парадоксом Каппелера», а именно на его тезис о наличии в основании легитимации Московской и Российской империй и византийского, и династически-древнерусского, и золотоордынского наследий, а также на то, что наследником степной исламской империи стало православное царство. Уортман аргументировал свои возражения тем, что все вышеперечисленные наследия были творчески переработаны российской монархией и перестали быть механически сосуществующими элементами. Более того, наличие династического древнерусского канона российской монархии отличает историю российского имперского центра от центров других империй. Ссылаясь на критиков модернистской теории национализма, и в частности на Э. Смита, Уортман видит в истории российской монархии сложение протонационального ядра, которое затем привело к возникновению династического национализма и претензиям на национальный характер Российской империи с соответствующим отрицанием многонационального характера имперского общества и государства. Это отличало развитие российской монархии как имперского института от Османской династии, которая так и не смогла трансформироваться из наднациональной в национальную, обрести свое «изобретенное» национальное ядро. Отталкиваясь от допущения исторической динамики в истории империи, Уортман указал на разницу между развитием Российской и Османской империй, которая заключалась в восприятии российской элитой европеизации и использовании европейских заимствований в модернизации империи. Ряд представителей турецкой историографии оспорили традиционный тезис об особенном характере Османской империи, связанным с исламом и невозможностью европеизации исламской культуры. Они указали на разные механизмы интеграции на западе и востоке империи и на влияние европейской культуры и идеологии на развитие Османской империи. А. Миллер, продолжая дискуссионную линию, начатую Д. Ливеном, предложил учитывать специфический характер различных регионов внутри империй (как в случае с западом и востоком Османской и Российской империй) и сравнивать отдельные региональные ситуации. Однако, Миллер также заметил, что для написания имперской истории исследователям недостаточно ограничиваться существующими категориями империи и региона, так как для анализа истории отдельных имперских окраин необходимо учитывать контекст межимперского соревнования и взаимного влияния. Поясняя свою точку зрения, Миллер обратил внимание участников на доклад Каппелера, который указал на то, что и Российская, и Османская империи являлись наследниками Золотой Орды, а потому находились в состоянии соревнования за межимперское пограничье. Не беря в расчет историю этого соревнования и наличие больше чем одного центра притяжения и влияния, нельзя понять историю этого региона, который может быть описан как макросистема четырех континентальных империй. Империи Романовых, Габсбургов,

Гогенцоллернов и Османов влияли друг на друга через идеологии (панславизм, панисламизм или пантюркизм, пангерманизм), через поддержку той или иной религиозной системы (православия, ислама, католицизма или протестантизма), через миграцию подданных и финансовую поддержку различных движений в соседних империях.

Состоявшийся затем круглый стол, посвященный опыту преподавания истории империи, стал продолжением начатой дискуссии по исследовательской тематике, что объясняется невозможностью разделить процесс исследования и преподавания в высшей школе. Интересным образом в представленных материалах обнаружилась тенденция к упрощенному использованию компаративной истории, иными словами, история империи представляется как нарратив, включающий в себя один случай, но для более глубокого понимания этого случая привлекается сравнительная перспектива. Так, представленные учебные материалы были в основном посвящены истории Российской империи.

Третья секция конференции была посвящена имперской идеологии. М. Яновский прочел доклад по Габсбургской империи, Р. Даскалов – по Османской империи. В совместном докладе С. Подболотова, М. Ясара и Н. Стоуна было сделано сравнение русского и турецкого национализмов в Российской и Османской империях. Докладчики сосредоточились на разных аспектах. М. Яновский размышлял о проблеме сохранения архаичных и основанных на аристократической культуре механизмов легитимации империи в XIX веке. Р. Даскалов представил общий обзор эволюции идеологии Османской империи от оттоманизма до исламизма и тюркизма, и воздействия этих идеологий на структуру Османской империи. Подболотов, Ясар и Стоун рассмотрели проблему появления модерного национализма в империи. Доклады продемонстрировали разнообразие идеологической жизни империй и позволили поставить серию важных для понимания имперской истории проблем, которые вызвали оживленную дискуссию. Несмотря на то, что авторы докладов исследовали разные проблемы, их объединяло общее видение идеологии (воображения, политических доктрин) в функционалистском ключе как созданной и инструментализированной для конкретных политических целей политическими элитами. Критики данного взгляда соглашались, что подобное структуралистское видение идеологии действительно способствует проведению сравнительного анализа, но мало дает для понимания внутренних, подчас автономных культурных механизмов, с помощью которых выражаются или, скорее, оформляются политические отношения. В этой дискуссии со всей очевидностью проявилась главная проблема сравнительно-исторического исследования, а именно противоречие между структуралистским, историко-социологическим подходом (изучение основных социальных сил и их функций в политической системе империи) и подходом, ориентированным на изучение исторической семантики и контекста (например, историческое происхождение концепций имперской власти, которые были связаны с разными религиозными традициями). Так, С. Дерингиль указал на опасность следования исторически сложившимся стереотипам относительно Османской империи, которые создают непротиворечивый образ исламской империи. Вместе с тем, споря с докладом С. Подболотова, М. Ясара и Н. Стоуна, он отметил, что невозможно употреблять понятия «исламизм» и «панисламизм» в единственном числе в силу наличия в исламе разных традиций. Он подчеркнул, что, хотя понятия «Турция» и «турки» появились только в начале XX века и были следствием развития турецкого национализма, они наследовали исторической семантике предшествующего периода, и в них присутствовал элемент этнической идентификации. Другие сторонники данной точки зрения указывали, что сравнительное изучение идеологии континентальных империй настоятельно требует расширения компаративного контекста путем включения в него Европы, так как многие интеллектуальные течения (просвещение, романтизм, позитивизм) и образцы для подражания имели европейское происхождение. С другой стороны, А. Миллер выступил в защиту структурных параллелей, особенно в контексте изучения континентальных империй (противопоставленных в этом смысле колониальным западным империям). По его мнению,

изучение имперских идеологий, которые создавались в ситуации реакции на многонациональную и «составную» структуру империи, позволяет выделить наиболее типические модели поддержания империи в эпоху пришествия национализма и модернизации. Так, во всех континентальных империях исследователи обнаруживают попытки имперского центра выстроить всеимперскую идентичность (яркий пример – оттоманизм), панидеологии (панславизм, панисламизм, пантюркизм), способные интегрировать часть населения империи и неизбежно выходящие за пределы имперских границ, а также модерные национальные проекты, которые противопоставляли себя империи. Миллер отметил, что наличие смежных границ у описываемых континентальных империй принципиально отличает их от колониальных, заморских империй. Попытки этих империй использовать этническую или религиозную карту в борьбе с противниками сказывались не только на характере этого межимперского соревнования, но также и на внутреннем состоянии самих империй. В таком свете видно принципиальное различие между континентальными империями в этом регионе и западными колониальными империями, которые могли инициировать поддержку тех или иных конфессий или национальностей за пределами метрополии, не меняя баланса сил и отношений лояльности внутри метрополии.

Затем участники конференции обратились к обсуждению экономики империи на примерах Османской (доклад К. Чичека) и Российской империй (доклад Б. Ананьича и Е. Правиловой). Подводя итоги дискуссии по этим докладам, А. Каменский отметил две общие проблемы, которые позволяют сравнивать экономики континентальных империй: во-первых, проблему доходности империи и сравнительной экономической отсталости, и, во-вторых, проблему подчиненности экономической политики стратегическим и политическим соображениям, которые были продиктованы задачей поддержания империи. Выделяя континентальные империи в отдельный блок для сравнительного исследования и противопоставляя их западным колониальным империям, Каменский указал на сходное положение Османской и Российской империй в их относительно малой доходности имперской экономики и подчиненности обслуживанию государственных приоритетов (управленческой машины, завоевательных и оборонительных войн). Вместе с тем, Каменский отметил существенные различия в эволюции экономического устройства двух этих империй: Российская империя пошла путем централизации экономического управления (в том числе государственного поддержания экономики) и использования европейских идей для обеспечения экономического роста, в то время как экономика Османской империи оказалась в большей степени децентрализована и подвержена экономической эксплуатации со стороны западных держав. Вновь вопрос об экономическом развитии империй европейской периферии был поставлен в зависимость от политического развития этих империй, в частности, от их способности модернизироваться и отстаивать собственную независимость от влияния экономически более развитых западных стран.

Поднятый Е. Правиловой вопрос о цене империи вызвал бурную дискуссию. М. Долбилов и А. Ремнев сочли данную постановку вопроса исторически неправомерной, так как для многих представителей имперской элиты поддержание империи было самоцелью и не связывалось с вопросом экономической целесообразности. А. Ремнев указал, что идеологи Российской империи всячески подчеркивали отсутствие экономической составляющей в имперской внешней политике и видели в этом выгодное отличие Российской империи от «торгашеских» империй. Отвечая оппонентам, Е. Правилова признала важность неэкономических соображений при формировании политики Российской империи, но также отметила, что часть российской управленческой элиты была знакома с европейскими идеями рационализации (в том числе и экономической) имперского управления, и в этом смысле вопрос о цене империи нельзя игнорировать. Правилова также отметила, что вопрос о цене империи ставился русскими националистами, которые использовали его для утверждения своего тезиса об оскудении центра, т. е. был частью националистического дискурса.

В этой дискуссии вновь проявилась проблема сравнительного контекста для изучения исторического опыта континентальных империй. Хотя структурные экономические проблемы были общими для подобного типа империй, изучение отношения имперской элиты к вопросу экономической политики оказывается невозможным без учета европейского контекста, т. е. влияния европейских экономических идей о рационализации экономической жизни, в том числе и посредством государственного вмешательства.

Четвертая секция конференции была посвящена изучению окраин, пограничья и воображаемой географии центра и периферии. Однако, некоторые доклады имели теоретический характер и ставили общие проблемы интерпретации исторического опыта империй. Открыл секцию А. Рибер, который, в отличие от большинства, представил сравнительно-историческое исследование евразийского пограничья. Его доклад представил также важную альтернативу в подходе к изучению истории империи. История континентальных империй (в отличие от морских, которые оказались затронуты постколониальными исследованиями) по-прежнему описывается с точки зрения имперского центра. Этому способствует и характер доступного архивного материала, и тот факт, что исторически государство играло более влиятельную роль в жизни этих имперских обществ. С помощью концепции оспариваемого пограничья (многонациональной территории, на которую претендуют несколько империй) А. Рибер предложил возможность описания той исторической роли, которую периферия играла в истории империи, а также рабочую модель для проведения сравнительного анализа. По мнению Рибера, высказанному ранее в дискуссии, сравнительный анализ евразийских пограничных ситуаций может быть более продуктивным в силу структурной похожести этих ситуаций и их взаимного влияния друг на друга. Доклады А. Ремнева и А. Миллера были посвящены воображаемой географии как инструменту нациестроительства. Говоря о проблеме русского национализма в имперском контексте, они представляли две разные интерпретации этого феномена. Ремнев рассматривал русский национализм как проект, направленный на национализацию имперского пространства (в данном случае Сибири). Миллер же рассматривал тенденцию в развитии русского национализма, которая свидетельствовала о попытке вычленить из имперского пространства русское национальное ядро, не отказываясь при этом от сохранения империи. Дискуссия по этой проблеме вызвала реплики многих участников и показала невозможность разделения изучения империи (как определенной социальной, экономической и политической структуры) и динамики развития имперского общества и государства, которые сталкиваются с вызовом национализма. Доклад М. Ходарковского был посвящен анализу отношений между российским имперским центром и кочевыми обществами юго-восточной окраины. В этом докладе Ходарковский принципиально противопоставил свое видение Российской империи как системы колониального господства складывавшемуся мнению об особом континентальном характере российского имперского опыта, который более адекватно сравнивать не с колониальными империями, а с территориально протяженными империями Габсбургов и Османов (и других евразийских политий). По его мнению, исключение контекста колониальных империй может создать неправильную сравнительную перспективу и существенно обеднить исторически сложившиеся разнообразные отношения между имперским центром и периферией в российском случае. Ходарковский настаивал, что по отношению к кочевым народам в XVIII веке российский имперский центр воспринял роль колонизатора, что было связано с разницей в культурном развитии и процессом европеизации российской элиты. Остальные участники секции и слушатели возражали, указывая, что сам Ходарковский упоминал в своем докладе пористость границ между «метрополией» и «колонией» в административном и культурном смыслах (что весьма нехарактерно для колониальной ситуации). Дискуссия по данной проблеме вновь показала необходимость учитывать влияние европейских идей на систему представлений об империи, даже если эти представления (в данном случае калькирующие европейскую

идею культурного превосходства и цивилизаторской миссии) не всегда совпадали с практикой имперской интеграции и управления.

На секции, посвященной сравнению имперских элит и механизмов административного управления империями, был рассмотрен исторический опыт Российской (совместный доклад А. Каменского, М. Лавринович, Е. Марасиновой, а также доклад Е. Сергеева), Габсбургской (Х.-П. Хёе) и Османской (А. Сомель) империй. Доклады были посвящены структурному описанию механизмов формирования имперских элит и их функциям в системе управления империи. Хотя участники секции не проводили прямого сравнения с методами управления колониальными империями, в их докладах наиболее ярко проявилась специфика континентальных империй, которые, несмотря на использование методов непрямого управления (т. е. управления имперским пространством посредством местных элит с сохранением местного правового уклада), стремились интегрировать отдельные территории в единое государственное пространство. Представленная в докладах картина структурного сходства элит и механизмов имперского управления континентальными империями побудила Д. Ливена вернуться к вопросу о динамике развития империй в XVIII и XIX веках и заострить внимание на возникающих в ходе этого развития различиях. Ливен предложил воспользоваться работой социолога Ш. Айзенштадта, который в своей социологической теории империи различал патримониальные политии, основанные на контрактных (по феодальным стандартам) отношениях между элитами и центром, и бюрократические политии, для которых характерен высокий уровень централизации политической власти. В рамках данной типологии видны отличия Российской империи от Габсбургской, а в период развития бюрократического и фискального государства XVIII–XIX веков, основанного на союзе абсолютизма и землевладельческого дворянства, – отличия этих империй от Османской Порты. По мнению Ливена, необходимо отличать бюрократию модернизирующейся империи от традиционных элит. Необходимо также учитывать исторически сложившиеся культурные отличия, которые не позволяют сравнивать российскую аристократию (один из вариантов европейского феномена) с элитой Османской империи. Диахронный взгляд на развитие империй в эпоху модерна также позволяет по-новому сформулировать дилеммы, стоявшие перед Российской империей. С одной стороны, бюрократическая империя обладает более эффективным механизмом управления (доказательством чему служат успехи военной модернизации России и достижение ею статуса великой державы); с другой стороны, в силу его зависимости от языка доминантной этнической группы, этот механизм является менее репрезентативным для этнического и культурного разнообразия имперского общества.

Секция, посвященная праву и неэлитным группам в империи, включала доклады К. Мацузато о мировых посредниках на Правобережной Украине, Дж. Бёрбэнк о местных судах и праве в последние десятилетия Российской империи, П. Верта и С. Дерингиля о религиозных обращениях и реконверсии в Российской и Османской империях соответственно. Относительно докладов по истории России между Дж. Бёрбэнк и М. Долбиловым развернулась интересная дискуссия, которая в определенной степени явилась продолжением аргументации Д. Ливена относительно проблемы управления империей с культурным и этническим многообразием. Анализируя отношения между общероссийской правовой системой и местными правовыми укладами, а также работу местных судов, Бёрбэнк обнаружила, что децентрализованная система гораздо лучше справлялась с задачей создания правовой культуры. Однако именно эта система была предметом критики юридических реформаторов, которые исходили из того, что создание единого гражданства должно исходить из единых правовых норм. М. Долбилов указал, что парадоксальным образом разнородная система (в данном случае правовая) способна лучше справляться с задачей интеграции имперского пространства, хотя она при этом и не соответствует либеральным европейским нормам.

Секция о наследии империй вызвала живой интерес благодаря современной актуальности обсуждаемых проблем. Особый интерес вызвал доклад Я. Грицака, посвященный нацио-

нальной идентификации в постсоветской Украине. Сравнение Западной и Восточной Украины показало, насколько важно учитывать исторический опыт нациестроительства в разных имперских контекстах, а также осветило наследие акультурации и модернизации советского общества, которое ставит перед постсоветскими государствами проблему интеграции гетерогенного в лингвистическом и культурном отношении населения. В. Кантор и А. Давидсон показали в своих докладах, что изучение империи как исторического феномена все еще сопровождается проекциями на этот феномен идеологических дискуссий, в рамках которых не существует возможности выделить историческую семантику имперского опыта и понять археологию империи за пределами доминантного национального дискурса.

Конференция ответила на многие вопросы о характере империи, о путях сравнительного изучения разнообразного имперского опыта, однако проведенные дискуссии поставили также новые вопросы, которые нуждаются в обсуждении. Исследования империй все еще происходят в рамках существующих канонов, среди которых редко встречаются собственно сравнительные исследования. Это связано как с проблемой диалога между различными академическими культурами, так и с проблемой многомерного имперского пространства, которое исключает возможность однозначного определения существа имперского общества и государства и одной сравнительной перспективы (о чем свидетельствует спор между сторонниками сравнения только континентальных империй и сторонниками включения европейского и колониального контекстов). Еще одна проблема сравнительного исторического анализа заключается в его тенденции к структурному описанию исторических явлений, что вызвало возражения сторонников включения диахронной перспективы и учета культурных особенностей и исторической семантики. Конференция не разрешила эти вопросы, но сам факт их постановки и спора между представителями различных историографических традиций позволяет надеяться на продолжение работы по сравнительной истории империй.

Сравнивая континентальные империи

Альфред Рибер
Сравнивая континентальные империи

Империи остаются все еще недостаточно исследованной областью знания в сопоставлении с их историческим и концептуальным соперником – национальным государством. Существует множество заслуживающих внимания теорий национализма и национального строительства, и в то же время – сравнительно мало теорий, объясняющих историю строительства и упадка империй и империализма. В минувшее десятилетие целый ряд событий способствовал возобновлению интереса к этим проблемам, и несколько проектов по изучению империй теперь успешно разрабатываются. С одной стороны, этот интерес возник под влиянием распада последней континентальной империи – Советского Союза, с другой – под влиянием упадка национального государства перед лицом вызова со стороны таких различных явлений в современной политике и экономике, как глобализм, регионализм или локальная история и конфедерализм. Нация, национальное государство и национализм, хотя и далеки от того, чтобы исчезнуть с исторической сцены, не могут теперь рассматриваться (как это был принято в XIX и XX столетиях) в качестве наивысшего достижения человечества в его стремлении к мобилизации ресурсов, установлению порядка, гражданского равноправия и чувства общей идентичности. Поскольку последняя империя исчезает, а ее наследники демонстрируют признаки энтропии, поучительно подвергнуть анализу наследие империй, ушедших в прошлое, и поразмышлять о будущих формах государственного устройства. Существуют как минимум два явления в истории империй, которые заслуживают внимательного изучения (если мы хотим извлечь из него уроки): их долговечность и их жизнеспособность. Изучение империй зависит от того, насколько велико число их разновидностей. Наряду с уникальностью, свойственной империям разного типа, можно говорить и о целом ряде присущих им общих черт. Следовательно, возможно, по крайней мере, определить стратегию, выстроить определенную модель или парадигму их изучения. Впрочем, настоящая статья не преследует столь далеко идущих целей. Она посвящена, прежде всего, актуальным и трудноразрешимым проблемам, часть которых в той или иной мере имеет отношение к общей стратегии изучения империй.

Уместно сделать одно предварительное замечание. При общем рассмотрении империй относительная точность их характеристик и взаимоотношений, естественно, зависит от изменения их облика во времени и пространстве[1]. Империи – это государственные устройства, в которых одна этническая группа устанавливает и сохраняет контроль над другими этническими группами в границах определенной территории. Это воинственные государства. Их границы – военные, они расширяются или защищаются скорее силой оружия, нежели средствами естественного или культурного свойства (т. е. этнического, расового или религиозного). Власть сосредоточена в руках правителя, как светская, так и духовная, в разных пропорциях. Чтобы сделать свою власть легитимной и прочной, правитель или правительница опираются на имперскую культуру, которая сочетает в себе трансцендентную или мифическую концепцию правления с опорой на элиту по рождению или по заслугам, которая выполняет основные административные, финансовые, военные и правовые функции государства. Имперская культура, как система и как практика будет рассмотрена в настоящей статье. Система состоит из набора символов, институтов и пространственных связей, которые определяют власть правителя и правящей элиты. Практика представляет собой управление элементами системы, осуществляемое правителем и правящими элитами ради усиления своей власти и достижения поставлен-

ных целей. Однако, имперская культура не являет собой нечто цельное и четко определенное. Она способна видоизменяться и часто выглядит противоречивой, далеко не единой и подверженной трансформациям[2]. Отношения между правителем и правящей верхушкой обычно сводятся к решению двух проблем: является ли власть правителя абсолютной или ограниченной, а если ограниченной, то в какой степени, и обязана ли правящая верхушка своим положением происхождению или заслугам. На ранних стадиях развития империи легитимация правителя, как правило, была духовного или религиозного свойства. Основное изменение, происшедшее в империях в XX веке, состоит в том, что они, не отказываясь от мифотворчества, приобретают светский характер и опираются преимущественно на более неформальные, типичные для массовых обществ методы управления, такие как пропаганда или средства экономического воздействия. Даже самые предварительные рабочие соображения наводят на мысль, что только с помощью сравнительного изучения империй можно попытаться ответить на глобальные вопросы о причинах столь длительного их существования, а также распада. Однако, сравнительный анализ на таком уровне обобщений невозможен в рамках статьи.

Условимся вначале о том, что именно мы будем сравнивать, т. е. какие империи и какие сюжеты в истории отдельных государств данного типа могут быть предметом для сравнений. Возможны, по крайней мере, четыре подхода к сравнительному изучению империй во времени и пространстве. Первый подход предполагает сравнение империй, являющихся современниками и соседями, таких как Османская, Габсбургов и Романовых. Второй предполагает сравнение империй-наследников, возникших в результате структурной и идеологической трансформации старого режима, например СССР и Китая, которые перешли от династической системы к коммунистической. При третьем подходе сравниваются «либеральные империи», где основная власть сосредоточена в руках представительного правительства только в метрополии, но не на территории колоний, например, французской, бельгийской, голландской, в разное время британской и американской. Наконец, четвертый подход – избирательный (часто эклектический), при котором сравниваются империи трех перечисленных выше типов. Каждый из этих подходов сопряжен с риском теоретических просчетов. Но автор настоящей статьи намерен следовать совету и примеру такого историка, как Марк Блок, избрав первый подход, который позволяет рассматривать империи, близкие друг к другу во времени и пространстве, с учетом их долговечности. Как утверждал Марк Блок, такая исследовательская стратегия дает возможность рассматривать эндогенные и экзогенные факторы[3].

Однако, автор берет на себя смелость увеличить число объектов изучения с двух, как это делал Марк Блок, до пяти империй (называемых далее евразийскими), а именно: Габсбургов, Османской, Российской, Иранской и Китайской. Этот выбор продиктован тремя важными обстоятельствами. Все эти державы существовали на протяжении одного и того же времени – с XVI века до начала XX; в пространственном отношении у них была по крайней мере одна общая граница (у Российской империи с четырьмя остальными), и они периодически конфликтовали из-за контроля над приграничными районами, которые разделяли сферы их безусловного культурного влияния. Географическое положение континентальных, евразийских империй, в отличие от разбросанных владений «морских» империй, способствовало возникновению особых проблем безопасности и интеграции. В результате экспансий евразийская империя создавала кольцо смешанных этнотерриториальных образований вокруг этнически однородного – в большей или меньшей степени – государственного ядра. Для немецких Габсбургов это были чехи, словаки, венгры, сербы, словенцы и итальянцы; для турок-османов – арабы, курды, армяне, греки и южные славяне; для России – финны, поляки, украинцы, народы Прибалтики, Кавказа и Средней Азии; для персов (фарси) – азербайджанцы, курды, туркмены и юго-западные племена; для Ханьского Китая – северные «варвары», включая чжурчженей (или маньчжур), монголов, уйгур, различные мусульманские народы северо-запада и племена Юньнани. Имперская периферия служила очагом постоянной нестабильности, причиной чему

служила разница культур населявших ее племен, а в некоторых случаях, сама история их происхождения и формирования государственности – еще до того, как они были завоеваны. В отличие от стратегических пунктов в заморских территориях «морских» империй, периферийные районы империй континентальных, оказавшись в руках врагов или мятежников, представляли собой непосредственную угрозу для центра метрополии. Восстание в британских колониях в Северной Америке или во французских на Гаити могли повлечь за собой тяжелые людские потери, отразиться на престиже и финансовом положении метрополии, однако они не угрожали основам управления империей. Не влекли они за собой и иностранного вторжения в метрополию. Восстания же на периферии континентальных держав – в Польше, Венгрии, Сербии, Болгарии или Туркмении – приводили к смещению правительств, свержению династий или способствовали развалу империй.

Для евразийских континентальных империй проблема интеграции была связана с природой правительственных учреждений, с контролем или регулированием перемещения населения. Правительства их оказывались перед необходимостью выбора разумного соотношения между центральными и территориальными административными и правовыми учреждениями. Управление заморскими территориями могло быть (и почти всегда было) самостоятельным подразделением правительства со своими правилами, регламентом и бюрократической иерархией. Но в континентальных империях постоянно существовала опасность, что особый статус этнотерриториальных образований либо вызовет административную и правовую путаницу, либо будет способствовать росту сепаратистского движения. Выбор между религиозной ортодоксальностью и веротерпимостью принимал в континентальных империях особую остроту по целому ряду причин. Во-первых, в них было гораздо больше различных религиозных течений, чем в других государственных образованиях, где господствовала одна религия – христианство, ислам или анимизм (Индия была, разумеется, исключением). Во-вторых, религиозная идентичность часто переплеталась с национальной идеологией, после XVIII столетия это стало представлять серьезную угрозу целостности империй. Следовательно, политика официальной веротерпимости или насильственной ортодоксальности и принудительного обращения в зависимости от обстоятельств могла разжигать разного рода сектантские выступления: либо в форме борьбы одной религиозной группы против другой (погромы), либо в форме движения за национальную независимость (поляки-католики против православных русских или православные славяне против турок-мусульман).

Континентальные империи сталкивались также с необходимостью считаться с угрозой крупномасштабных народных движений, которые могли носить стихийный характер. В ранний период кочевой образ жизни играл важную роль в образовании и преобразовании империй. Его влияние постепенно теряло силу, но сохранялось еще очень долго, а в некоторых случаях до самого последнего времени. Завоевательные войны также вызывали демографические сдвиги, в частности, исход религиозных или этнических меньшинств после поражения их единоверцев. Наконец, восстания часто приводили к высылке жителей и обычно к насильственному переселению или заселению имперским правительством обезлюдевших краев[4].

Последняя пространственная связь, которая дает основание для сравнительного анализа, – это продолжительное и сложное соперничество континентальных держав за контроль над обширными окраинными районами, которые отделяли центры метрополий одной империи от другой. Возвышение бюрократических империй означало закат степных кочевых государств и распад ранних королевств в Юго-Западной и Центральной Европе. Эти территории стали районами состязания мощных бюрократических империй ради захвата огромных земель с многочисленным населением и богатыми ресурсами. Империя Романовых в такой борьбе была лишь одной участницей среди прочих. Это одна из причин (хотя и не единственная), по которой так много внимания в европейской историографии уделено «экспансии» России как односторонней и неограниченной. Бесспорно то, что Российская империя к 1914 году стреми-

лась достичь и достигала стратегического и экономического превосходства над своими континентальными соперниками от Балкан до Хингана.

Если рассматривать континентальные империи во временном пространстве, то следует иметь в виду, что они существовали и соперничали приблизительно в один и тот же исторический отрезок времени: с учетом особой хронологии событий можно разделить его на обычный период и эпоху революций. Обычный период в данном случае охватывает столетия от образования империй и появления влиятельных династий до их отречения, то есть приблизительно с XV–XVI веков до начала XX века. Если возникновение этих империй носило постепенный характер, то их падение удивительным образом произошло одновременно и одинаково бурно в революционную эпоху между 1906 и 1923 годами.

К эпохе революций может быть отнесено время, когда на евразийские империи обрушились французская буржуазная и английская индустриальная революции – «двойная революция», как окрестил это явление Эрик Хобсбаум[5]. Идея народовластия и новые технологии в производстве и управлении повлекли за собой, по крайней мере, три важных изменения во властных отношениях: между Западом и евразийскими империями, между центрами и периферией в последних и между соперничающими империями. Континентальные империи возникли до периода революций, и все они в значительной степени утратили свое могущество, а в конечном счете распались из-за невозможности приспособить свои политические институты и социально-экономические структуры к многочисленным, подрывавшим их основы последствиям «двойной революции». Но, говоря «в конечном счете», мы все-таки не забываем о приспособляемости, хотя и ограниченной, всех евразийских империй к новым условиям, которая обеспечила продление их существования более чем на столетие после упомянутой «двойной революции», преобразившей Запад.

Вслед за определением общих принципов сравнительного анализа остается установить, какие факторы способствовали могуществу империй, чтобы ответить на вопрос об их долголетии. Не отрицая важную роль насилия, чему уделено большое внимание в литературе, остановимся на других средствах сохранения имперской власти. Имперская идея, имперская бюрократия и защита границ могут быть выделены в качестве трех факторов, способствовавших сплочению, приспособляемости и обновлению евразийских империй.

Имперскую идею олицетворял образ правителя. Это легко понять, если принять во внимание три обстоятельства: концепции власти становились частью нравственных и (или) религиозных представлений, они были связаны с традициями и мифами, язык политики превращал их в видимые символы и написанные тексты. Во всех пяти евразийских империях концепция власти не была постоянной, а подвергалась изменениям, либо в зависимости от личных предпочтений правителей, либо под влиянием внутренних кризисов или внешней угрозы. Поддерживался искусный баланс между светскими и религиозными атрибутами правителя и между властью и церемониальными ритуалами. Кроме всего прочего, наблюдалась эволюция в направлении усиления светского начала, но были случаи возвращения к ранним религиозным мифам, особенно в конце существования Российской и Османской империй. Правители принимали и изменяли свои титулы, украшали и усложняли ритуалы и церемонии, которые устанавливали реальные и символические связи с правящей верхушкой и народными массами. Существовала большая разница в том, каким образом правители демонстрировали подданным свою власть. Наиболее театральной формой было появление лидера на публике в роли главнокомандующего вооруженными силами, но хорошо организованные поездки или визиты за пределами столицы также служили сокращению дистанции между троном и местными жителями.

История имперской идеологии в евразийских империях может служить иллюстрацией к процессу, который я бы назвал кумулятивным синкретизмом: периодическое изобретение новых мифов о происхождении и миссии власти. Кроме Китая, который представляет

собой исключение, культура евразийских империй имела общий источник – две великие традиции древнего мира: римско-византийскую и ахеменидо-сасанидскую. Ко времени Ренессанса Габсбурги, чтобы укрепить отношения между светской и духовной властями, использовали тщательно разработанную идеологию, сочетавшую в себе языческие и христианские мотивы. Они объединили мифическую родословную, содержавшую языческие и древнееврейские элементы, с протестантско-эсхатологическими традициями и литературно-историческим дискурсом, который обеспечивали писатели и художники под контролем императорского двора. Австрийские Габсбурги унаследовали от короля Испании Филиппа II мифическую связь с византийскими императорами, с их квазисвященнической властью. Это было узаконено в церемониях евхаристических мираклей, введенных Рудольфом II, и в Ордене Золотого Руна[6]. Австрийские Габсбурги отказались от идеи всеобщей монархии, которая, после того как империя Карла V была разделена на Испанскую и Австрийскую части, выглядела весьма спорной. Но за Габсбургами сохранилась репутация защитников христиан от мусульманских турок, известная как «Австрийская восточная миссия». Австрийская модель строительства империи предусматривает одно отклонение от темы кумулятивного синкретизма. В отличие от других империй, она не была в большей своей части «завоеванным государством». Ее составные части были приобретены, в основном, в результате браков, а отношения между ними складывались чрезвычайно сложно и основывались на средневековых договорах и соглашениях. Эта проблема сформулирована Робертом Канном: «…на протяжении большей части времени между объединением Венгрии, Хорватии и Богемии с наследственными землями Габсбургов в 1526–1527 гг. и падением монархии в 1918 г. само представление о Габсбургской империи как о едином государственном организме серьезно оспаривалось»[7]. Если взглянуть с разных точек зрения на эволюцию образа имперского идеала в Габсбургской монархии, то она свидетельствует об исключительной гибкости правителей и их советников, следивших за изменениями культурной и интеллектуальной моды, которые увлекали социальную и политическую элиту Европы в XVIII и XIX веках. Десакрализация монархии повсюду в Европе, в связи с появлением образа рационально мыслящего, беспристрастного правителя – просвещенного деспота, создала совершенно новую, практичную систему правил поведения для абсолютной власти. Основная идея, заимствованная из германского естественного права, состояла в том, что благополучное и преуспевающее население служит самой прочной основой для процветающего и сильного государства. За послушание и лояльность государство готово на основе закона защищать материальные интересы граждан и обеспечивать их религиозные права, проводя политику веротерпимости. В мире до наступления эпохи национализма монархия могла поддерживать две связанные между собой идеи, которые впоследствии должны были способствовать ее разложению. Первая идея – внимание правительства к использованию родного языка (в Германии общего языка для всей империи) и разных местных наречий для образовательных целей, с предположением, что национальный язык – это ключ к культуре. Вторая идея – двойное понимание гражданства, что дало толчок широкому распространению по всей империи местного патриотизма (Landespatriotismus) и создало условия, при которых он опирался на понятие «нация» в смысле этнолингвистических групп и религии[8]. Однако под влиянием, в конечном счете, Французской революции единство этих двух идей рухнуло.

Французские революционные войны, распад Священной Римской империи и коронация первого «австрийского императора» в 1801 году обозначили окончательный, наметившийся с середины XVIII века, переход от культурных традиций, возникших под влиянием Франции, Испании и Италии, к торжеству германской придворной культуры. После 1848 года монархи, напуганные революцией, занялись безнадежными поисками законов о своей власти и своей миссии. Конституционные эксперименты готовились один за другим с поразительной поспешностью.

В отличие от Габсбургов, российские правители до начала XX века решительно выступали против конституционных экспериментов. В то же время российский «сценарий власти» в царствования Александра III и Николая II подвергся существенным изменениям, связанным с отказом от светского и космополитического образа империи в пользу более ограниченного национально-религиозного[9].

Это означает, что, когда во время революции 1905 года удалось вынудить монархию создать представительное учреждение – Государственную думу, увеличилась идеологическая пропасть между властью и подвластными. Неудивительно, что Николай II настаивал на том, чтобы «Основные законы», согласно которым были созданы новые представительные учреждения, не ограничивали его самодержавную власть, в то время как некоторые из его советников и многие представители населения думали иначе. Неудивительно также, что имперская чета – Николай и Александра – все глубже погружались в религиозный мистицизм, что в дальнейшем привело их к отчуждению как от официальной церкви, так и от западной элиты[10].

Несмотря на совершенно иное происхождение, Османы, как и русские правители, тоже обращались к ранним традициям, создавая свой образ и укрепляя свою власть. Они сталкивались с теми же проблемами, устанавливая определенные и устойчивые соотношения между земным и духовным началами в своем образе и своей миссии. После завоевания Константинополя османские правители, выходцы из вождей кочевых исламских племен, приняли синкретическую концепцию правления, которая включала в себя некоторые элементы из традиций персидских падишахов и ритуалы византийского императорского двора[11]. Они назначали мусульманских богословов (улемов) отправлять правосудие, сводя до минимума вероятность конфликтов между представителями светской и духовной властей. Правители Османской империи приняли светский титул султана, впервые принесенный в Анатолию кочевниками турками-сельджуками в XI веке. Захватив власть, правители Османской империи объявили себя властителями на основании божественного права и наместниками Бога. Но официально они не переместили халифат – местонахождение высших духовных представителей ислама – из Каира в Константинополь. Это способствовало сохранению двусмысленных отношений между светскими и религиозными началами в исламском мире. Решение османских султанов использовать титул халифа без официального его принятия свидетельствует о том, что они, подобно российским императорам после Петра I, чувствовали выгоду в сохранении двойственного отношения к своим религиозным обязательствам. Ни царь, ни султан не собирались ставить свои династические и политические интересы в зависимость от взрывов религиозных страстей, и в то же время они сохраняли свое право защищать единоверцев в тех случаях и в то время, когда считали это необходимым.

Российские и османские имперские идеи расширения владений за пределы защиты своих единоверцев – ойкумена и халифат – сошлись на короткое время в Кючук-Кайнарджийском мирном договоре 1774 года. Султан использовал непонимание западными дипломатами сущности халифата, чтобы укрепить свой статус в Европе. В соглашении он был назван «имамом верующих и халифом тех, кто исповедует божественное единство», во французской версии это выглядело как «ie Souverain calife de la religion mahometane». Подобным же образом соглашение подтверждало право российского царя защищать православное население Османской империи и делать представления султану относительно их благополучия. Эти положения были сформулированы достаточно неопределенно, что позволяло толковать их по-разному. Русские довольно скоро отвергли политические претензии на признание турецких интересов в Российской империи. Турки также выступили против широкого толкования российской стороной ее права выступать в защиту православного населения Османской империи. Претензии Российской и Османской империй на распространение экстерриториального религиозного влияния

способствовали дальнейшему обострению продолжительного соперничества между ними за пределами их границ.

Еще одно возможное сравнение, связанное с эволюцией власти в России, – это заметное возрождение духовных элементов в культуре Османской империи в поздний ее период. Как и Николай II, султан Абдул-Хамид II стремился возродить и поставить под свой контроль духовные элементы, возвратившись к традициям своих династических предков раннего Османского периода, т. е. до Махмуда II. Это обращение к прошлому российского и турецкого властителей было реакцией на идеи конституционных реформ с целью уравнения в правах всех граждан империи.

По мере того, как евразийские империи приближались к «периоду революций», они столкнулись с требованиями народовластия, участием масс в политике и секуляризацией системы управления. Одним из ответов на эти вызовы была попытка с помощью бюрократических реформ «сверху» реагировать на симптомы, но не на глубинные причины недовольства и несогласия. Другой, еще менее удачный ответ чиновников и лояльных интеллектуалов, – это изобретение ультранационалистической идеологии, которая должна была способствовать подъему националистической мобилизации в многонациональных империях Габсбургов, Османов и Романовых. Пангерманизм, панславизм и панисламизм (или пантюркизм) не были официально одобрены ни одним из правителей трех империй, но они пользовались большей или меньшей степенью влияния в правящих кругах и порою становились решающим фактором в определении политики. Были попытки представить одно или несколько этих движений как протонационалистические[12]. Хотя здесь и есть известный резон, важно определить принципиальные различия между ними с учетом их расовых и религиозных составляющих. Пангерманизм, как утверждает Георг Риттер фон Шонерер, носил преимущественно расовый и антисемитский характер. Он был малопривлекателен даже для населения Габсбургской монархии, говорившего на немецком языке, и его влияние возросло лишь после ее распада, а расцвет наступил в период национал-социализма[13]. Панславизм (или, по крайней мере, его русский вариант) объединял в себе религиозное (православие) и расовое (превосходство великороссов) начала. Никогда официально не одобряемые императорским правительством, его сторонники в разное время имели сильное влияние на внешнюю политику правительства, в частности в 1877 году и после 1910 года. Из трех названных течений панисламизм имел самое сильное религиозное содержание и был более других признаваем правителями, особенно султаном Абдул-Хамидом II, который возродил идеи халифата в конституции 1876 года (конституция была отменена и восстановлена только в 1908 году)[14]. Пантюркизм и панисламизм были соперниками в Османской империи в основном из-за того, что в первом подчеркивались светское и расовое начала. Но в Российской империи эти начала были умело синтезированы Исмаилом Гаспринским[15]. Однако, ни одна из этих ультранациональных идей не захватила массы простых жителей. Причины достаточно понятны: эти идеи не могли соперничать с эмоциональными и психологическими особенностями национализма; для имперской элиты они представляли потенциально скорее разрушающую, нежели объединяющую, идеологию в условиях поликультурных обществ и таили в себе опасность вовлечения империй во внешнеполитические конфликты.

Даже краткий сравнительный обзор культур имперских элит свидетельствует об их относительно высоком уровне динамизма и гибкости. Традиции и мифы часто изобретались или по-новому интерпретировались, чтобы соответствовать новым условиям или нуждам того или иного правителя. Новые версии усваивались правящей элитой и остальной частью общества посредством новых ритуалов, церемоний и исторических повествований. В процессе строительства империи бывали периоды, когда правящие круги демонстрировали готовность проявлять терпимость по отношению к религиям или идеологиям за пределами основной культуры.

Все евразийские империи в то или иное время были восприимчивы к внешним культурным влияниям задолго до французской и промышленной революций. Даже встречаясь с потенциально деструктивными влияниями двойной революции, часть правящих элит и отдельные правители предпринимали попытки органично включить новые институты или течения мысли в господствующую культуру. Обсуждение этих реформистских импульсов целесообразно провести в следующем разделе настоящей статьи.

Имперские культуры, нашедшие отражение в ритуалах и церемониях, выполняли важную функцию, символизируя власть и славу правителя. По большей части, однако, немедленный видимый эффект ощущался только самой правящей элитой, представителями иностранных государств, в меньшей степени населением основных городов империи. Общая проблема для всех империй состояла в том, чтобы сделать доступными символы власти для неграмотных крестьян, живущих, по большей части, на значительном удалении от крупных городов. Для превращения символов власти в реальные институты, делающие возможной мобилизацию людских и материальных ресурсов, необходимы были административные структуры, распространявшие свое влияние на города и деревни. Затраты на оборону державы и на содержание двора быстро опережали способность земельной аристократии как выполнять служебные обязанности, так и получать денежные доходы. Имперская бюрократия развивалась, чтобы выполнять двойную функцию: во-первых, зримо представлять империю, нося униформу или отличительную одежду, демонстрируя знаки власти; и, во-вторых, собирать налоги, поставлять рекрутов для армии и осуществлять правосудие. Макс Вебер сформулировал это так: «Решающей причиной для укрепления бюрократической организации всегда было ее чисто техническое превосходство над любой другой формой организации»[16].

Однако, представление о том, что эффективность бюрократии лучше всего обеспечивается эффективной централизацией, было подвергнуто сомнению недавними исследованиями. Опираясь на Чарльза Тилли, согласно которому государственное строительство в Европе было в такой же степени результатом сложных взаимоотношений между центральными властями и местным населением, как и принуждения, историки изучали различные способы, какими административные структуры неевропейских империй развивались по сходным, но не идентичным путям. Тилли подчеркивал диалектическую связь между принуждением и капиталом, т. е. властью централизованного государства и уравновешивающей ее силой коммерческих интересов – двух главных игроков в состязании за извлечение ресурсов на ведение войны[17]. Реинтерпретаторы взглядов Тилли подчеркивали важность отношений центральной и местных элит или, что более плодотворно, центральной власти и пограничных районов[18]. И в том, и в другом случае основным принципом в их отношениях, следуя опять-таки Тилли, является процесс «торга»[19]. Другими словами, центральное правительство, безотносительно к тому, насколько велика сила его принуждения, вынуждено было вырабатывать соглашения с местными элитами или пограничными провинциями, чтобы получать от своего населения налоги и рекрутов, необходимых для защиты территориальной целостности империи или приобретения новых ресурсов за счет расширения ее пределов. Хотя армии служили главным элементом принуждения в евразийских империях, они не могли быть достаточной гарантией стабильности и безопасности. Как утверждает старинная китайская пословица, «сидя в седле, можно завоевать империи, но не управлять ими».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.